

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию Сыроева Тихона Алексеевича на тему: «Феномен лени: этико-философский анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 09.00.05 – Этика (философские науки) в диссертационный совет МГУ.09.02

Диссертация Тихона Алексеевича Сыроева является самостоятельным, оригинальным исследованием феномена лени, которое по основным темам и способу рассмотрения можно отнести к исследованиям истории ценностного сознания, реконструкциям ценностных смыслов разнообразных культур и исторических эпох. Надо признать, что подобные рассмотрения являются достаточно редкими в русскоязычной философии, что, в первую очередь, определяет значимость и теоретическую актуальность данной диссертации. Автор, безусловно, проделал большую работу по поиску и осмыслению литературы по теме исследования, причем привлекая тексты из самых разных областей культуры и науки, изначально мысля свое исследование как междисциплинарное. Данный подход, ценность которого широко признана в современном научном мире, тем не менее, ведет к определенным трудностям, обусловленным исключительной спецификой философского мышления, и особенно – моральной философии, имеющей дело с субъектностью человека, не схватываемой в эмпирических констатациях. Именно это позволяет высоко оценить усилия автора диссертации, столкнувшегося с, безусловно, трудной задачей.

Диссертация Т.А. Сыроева состоит из четырех глав, посвященных соответственно соотношению лени с трудом, реконструкции образа лени в русской культуре и снова соотношению лени – но уже со скукой и праздностью. Сама структура работы отражает те основные теоретические сложности, с которыми столкнулся автор. Изначально он рассматривает лень в ее противопоставленности труду, оговорив, что не будет пока разводить понятия лени и праздности, затем более детально и много-ракурсно реконструирует возможные оценки лени в определенной культуре, далее – ищет опору для понимания лени в ее соотношении со скукой, и, наконец, все

же описывает варианты разведения понятий лени и праздности, а также обращается к эстетическому содержанию лени. Сквозной целью автора является показать многозначность лени как оцениваемого явления и вполне можно сказать, что эта цель им достигнута. Другой вопрос: если речь идет о лени как некотором эмпирическом явлении, оцениваемом с точки зрения морали, то можно ли вообще выделить такое явление вне и помимо самой морали, ее ценностей, понятий, норм? Складывается ощущение, что автор, с одной стороны, берет лень в качестве некоторого эмпирического явления, которое может оцениваться с разных позиций, в разных ракурсах, а с другой – признает наличие разных систем ценностей, в которых лень присутствует в качестве ценностного понятия. Иными словами: в исследовании пересекаются, накладываются друг на друга идея лени как некоторого эмпирического состояния человека, как бы допускающего многообразие оценок, и ценностное понятие лени, которое как раз вполне определено в своем ценностном содержании, но может различаться в разных ценностных системах.

Еще одна проблема, с которой сталкивается автор диссертации, связана с тем, что философия пользуется живым естественным языком, преобразуя его в теоретические понятия, порождая свой специфический язык: когда в своем исследовании автор апеллирует к использованию слова «лень» в разных историко-культурных и теоретических контекстах (в текстах по истории, психологии, социологии, в литературных произведениях) – что само по себе интересно и может быть продуктивным – и при этом осознанно почти до конца работы отказывается от выработки собственного философского понятия лени, то это затрудняет и ход его мысли и понимание читателем. Тем не менее, автор реализует задачу «дешифровки смыслов, заключенных в понятие 'лень'», идя по пути экстенсивного описания.

Исследование Т.А. Сысоева исключительно богато сюжетами, поворотами, оно привлекает большое количество разнородных источников. Понятно, что, скорее всего, достичь в этом абсолютной полноты невозможно и отсутствие того или иного автора не может быть основанием для критики. Возможно, работа выиграла бы, если бы автор обратился к тому, что писал о лени, например, Леон Баттиста Альберти или Б. Мандевиль, но, тем не менее,

эти имена нельзя считать обязательными. Другое дело, например, работы К. Маркса и Ф. Энгельса, когда речь идет о труде и его роли в формировании человека и его истории – к сожалению, автор к ним обращается мельком в небольшом сюжете об отчуждении, а затем упоминает о марксистской идее преодоления труда лишь в связи с теорией праздного класса Веблена и идеями Малевича: очевидно, что если речь идет о труде, марксистскую теорию, в том числе в ее ценностной интерпретации, невозможно свести к мимолетному упоминанию, тем более, что идея преодоления труда сущностно противоположна отказу от труда в идее лени. Складывается впечатление, что автор и согласен с критикой труда, и в то же время считает, что лишение человека трудовой активности «означает лишь 'облагодетельствовать' его скукой, утратой смысла, медленным нравственным 'загниванием'».

Провоцирующим размышлением, на мой взгляд, является понимание автором лени как «состояния, которое всегда находится или стремится оказаться по ту сторону необходимости», и продолжающее этот тезис утверждение, что «лень — есть упразднение воли по причине невозможности или исполненности», хотя последнее может быть истолковано как противоречащее первому. Если лень переносит человека «по ту сторону необходимости», то это и есть основание морали, возможности субъектного поступания, но, по-видимому, автор несколько иначе понимает необходимость – как некоторое требование трудиться, преобразовывать мир и себя. Возможно, на авторское понимание связи лени с уходом от необходимости повлияли идеи Х. Арндт, но у нее речь идет о рабском труде как создающем возможность возобладать над необходимостью, то есть исключить труд из условий жизни и освободить пространство полиса как свободного дружеского общения и поступка, то есть пространство морали. Речь у нее, конечно, не идет о лени.

Думаю, автор диссертации недооценил энциклопедическую статью «Лень» А.В. Прокофьева, написанную в классическом этико-нормативном стиле и предлагающую вариант отличия лени в качестве порока от жизненной пассивности, которая амбивалентна в оценке. Если автор стоит на другой позиции, акцентируя амбивалентность ценностного содержания

самой лени, то возникает необходимость в осмыслении этого теоретического расхождения, коренящегося, по-видимому, в различии понимания самого этико-философского исследования. В целом, автор отождествляет лень с бездействием, но тогда возникает вопрос – возможно ли полное бездействие? Ведь человек, если он не погружается в небытие, безмыслие, если он жив – то всегда деятелен. То есть лень как ценностное понятие всегда мыслится в оппозиции не к деятельности вообще, а к определенной деятельности, в первую очередь – трудовой. Когда автор переходит к различению лени и праздности, от которого сначала отказывается, апеллируя к естественному языку, вопрос о соотношении лени и деятельности обостряется: ведь праздность в аристократизме есть именно активный, деятельный образ жизни, в основе которого – поступок как самодостаточная актуальная действительность, «энергия», согласно Аристотелю. И Величавый, который «празден и нетороплив» у Аристотеля, есть идеал именно деятельного образа жизни. Похоже, что диссертант идет по пути не избрания в качестве теоретической опоры, а только обозначения точки зрения, принципиально разводящей понятия праздности и лени: первая ни в коей степени не связана с «волевой успокоенностью», как ее видит автор диссертации, точно так же, как она не вписывается в этос рыцарского служения, близкий другим идеалам служения, включая протестантизм, и чуждый аристократизму как ценностному явлению, точно также как она не мыслится в связи с сибаритством, безделием, паразитизмом, приписываемым ей диссертантом, что снова размывает границы между праздностью и ленью и лишает их понятийного статуса. В целом, автор стремится дать максимально полное описание ценностных смыслов, ставя их как бы в один ряд, но ценностное понятие не есть некая эмпирическая данность, допускающая рассмотрение в различных, постоянно сменяемых ракурсах, что является в диссертации доминирующим способом рассмотрения. В любом случае этот способ нуждается в рефлексии, обосновании, в объяснении того, что понимается под ленью как феноменом.

Конечно, важно, что, как пишет автор диссертации, «возможность созерцания Бога, по Августину, открывается тогда, когда человек освобожден от любой активности», но, с другой стороны, в «Исповеди» тот

же Августин обрушивается на лень как грех. Этот небольшой пример усложняет проблему соотношения понятий лени, праздности и деятельности, а приводимая цитата Августина подвергает сомнению утверждаемое автором своеобразную исключительность русского менталитета в оправдании лени-пассивности ради приближения к высшему благу и божественному.

Обращение к специфике русского сознания и культуры сквозь призму идеи лени представляется плодотворным, хотя эта часть исследования выиграла бы от некоторого недоверия к ее самооаттестации в русской культуре, а также, возможно, от сопоставления протестантизма и православия, сконцентрированного на поиске того, что противопоставлено в православии идее по-протестантски понимаемого труда. Без этого подчеркиваемое своеобразие русского человека по сравнению с европейцем может быть подвергнуто сомнению (например, если опираться на сказки). Также несколько странным кажется акцент на исключительности антимещанского настроения русских мыслителей в их восприятии Европы, тогда как в это же время в самой Европе поднялась антимещанская волна, описанная М. Оссовской. Заслугой автора является введение в рассмотрение лени идей русской хандры, эскапизма, усталости перед пространством и др., но к этому было бы важно добавить, что российское отвержение ценности труда, по-видимому, связано с господством рабского труда.

Понимание диссертации затрудняется тем, что автор чередует обсуждение содержания понятий лени и праздности в рамках определенных философских теоретических взглядов с обращением к использованию этих слов в принципиально иных контекстах, порой – социально-экономических или психологических. Это могло бы быть продуктивно, если бы философия выступала критиком по отношению к последним. То же можно наблюдать и в отношении других понятий: например, когда речь заходит о праздности как образе жизни (в сущности, об Аристотеле), автор дает в сноске ссылку на современное социологическое определение образа жизни, имеющее мало общего с аристотелевским понятием.

Заслуживает позитивной оценки обращение автора к китайскому понятию «у-вэй» как принципа недеяния, придающее рассмотрению новое звучание, а также его поворот к эстетическому дискурсу, в котором

«праздность и лень становятся тождественными и интерпретируются как возвышенное состояние покоя, как пропедевтика к истинному творчеству, как созерцательная обращенность к миру и его принятие не как средства, а как цели».

Следует позитивно отметить главу, посвященную скуке: обращение к Хайдеггеру придало ей философское качество. Тем не менее, остается вопрос о соотношении понятий лени и скуки: ведь скучным может быть и монотонный труд, а лень как раз может быть порождена последним, в то время как праздность, особенно в ее классическом аристократическом смысле, совершенно не требует для своего осмысления понятия скуки. Автор диссертации считает, что «через скучание лень переживается человеком болезненно, как томительная эмоциональная опустошенность, жизненная неприкаянность», то есть скука становится своего рода отвержением лени, ведет к прорыву к подлинному бытию и к нравственному пробуждению. Эта часть диссертации представляется интересной и важной.

Язык автора диссертации отличается богатством и выразительностью, что иногда затрудняет понимание, но обладает собственной ценностью и придает тексту персонифицированность, важную в философии. Небольшое техническое замечание связано с наличием некоторого сбоя, в результате которого, например, цитаты из моей статьи «Праздность и лень» отданы Ницше и Бердяеву, в то время как мне приписаны слова, отсутствующие в моем тексте.

В заключение, подчеркну, что диссертационное исследование Т.А. Сысоева содержит богатый материал по заявленной теме, автор проявил самостоятельность в его осмыслении, работа содержит ряд важных для этики положений и является вкладом в ее развитие.

Высказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования, а фиксируют его сложности и возможные точки роста. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 09.00.05 – Этика (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых

степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова; текст диссертации оформлен в соответствии с приложениями № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Сысоев Тихон Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 09.00.05 – Этика.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник сектора этики
Института философии РАН

Зубец Ольга Прокофьевна

3 октября 2021 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 697-93-78, e-mail: ethics_iph@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.05 – Этика

Адрес места работы:

109240 Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Институт философии РАН, сектор этики

Тел.: +7 (495)697-91-09; e-mail: iph@iph.ras.ru

